

ТОЛСТИКОВ Александр Владимирович / TOLSTIKOV Alexander
Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University
Петрозаводск, Россия / Petrozavodsk, Russia
a_tolstikov@mail.ru

**РИТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МАРКИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-ШВЕДСКОЙ
ГРАНИЦЫ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ**
RITUAL ASPECTS OF ACTULISING THE RUSSIAN-SWEDISH BORDER IN EARLY
MODERN PERIOD

Abstract: The focus of the article is on ritual aspects of making the 17th century Russian-Swedish border actual and important while either marking it on the ground or meeting foreign diplomats. The study of this issue leads, in the author's view, to a more general question of how the spatial dimension of political power was understood in the Muscovite political culture.

Ключевые слова / Keywords: Россия, Швеция, XVII в., граница, ритуал / Russia, Sweden, the 17th century, border, ritual.

Из вообразимых способов обозначить существование политических границ, актуализировать их и вообще так или иначе привлечь к ним внимание, кажется, самыми привычными в настоящее время являются, во-первых, непосредственная разметка на местности, т. е. демаркация, и, во-вторых, картографирование (оба способа можно определить как *фигуративные*). Разумеется, огромную роль играет, в-третьих, указание на границу в *речи / дискурсе* (в том числе в формулировках официальных документов, но не только). Это может быть и известное издревле, но сохраняющее своё значение перечисление пограничных пунктов (делимитация); и простое называние¹; и выделение каких-либо групп объектов, или чаще субъектов, которым в числе существенных свойств приписывается либо пребывание (проживание, рождение и т. п.) на определённой территории, либо, напротив, прибытие из-за её пределов (здесь, помимо очевидных примеров, связанных с миграцией, гражданством, паспортами, визами и т. п., можно отметить, что обычное противопоставление, скажем, товаров «отечественного производства» «импортным» тоже является одним из постоянно работающих в языке механизмов актуализации государственных границ). Наконец, в-четвёртых, маркировать политические границы можно с помощью определённых *действий*, большинство из которых — если исключить прагматически мотивированное

¹ В последнем случае особую роль приобретает специфика используемых для обозначения границ понятий и их история. См. некоторые соображения на этот счёт применительно к России и Швеции в Средневековье и раннее Новое время: Tolstikov A. From *Mezha* and *Rån* to *Rubezh* and *Gränsen*: Conceptualizing the Russo-Swedish Border in the Late Middle Ages and Early Modern Period // *Revue d'Histoire Nordique — Nordic Historical Review*. 2015. No. 19. P. 31—55. (См. также уточнения относительно ситуации в Швеции XVII в. в статье Киммо Катаялы в настоящем выпуске альманаха.)

воспрепятствование трансграничным перемещениям (например, с целью соблюдения карантина) — следует отнести к категории ритуалов.

Все указанные способы были вполне известны в раннее Новое время, но по значимости они соотносились друг с другом несколько иначе, чем сейчас. В частности, гораздо бóльшую роль играл ритуальный аспект. Именно ритуалы и будут интересовать меня в данном случае — применительно к истории российско-шведской границы в XVII в.

В рамках современных *border studies* весьма широко распространено использование подходов из арсенала культурной антропологии, для которой внимание к ритуалу было особенно характерно в XX в., хотя в начале XXI столетия исследователи, похоже, предпочитают говорить о дискурсивных / текстуальных механизмах и практиках конструирования (или, может, лучше сказать производства) границ². В любом случае понимание границ, в том числе политических, как динамичного феномена, постоянно пересоздающегося в процессе культурной коммуникации (включая, несомненно, ритуалы), ныне является банальностью. Однако представители указанного исследовательского направления, как правило, интересуются сегодняшним днём либо событиями сравнительно недавнего прошлого (обычно последних нескольких десятилетий).

С другой стороны, специалисты по истории европейского Средневековья и раннего Нового времени активно используют понятие ритуала и, шире, символической коммуникации для анализа самых разных сторон жизни обществ прошлого³. И хотя в их работах чаще всего говорится о различных метафорических границах (статуса, социальных или религиозных групп и т. д.), поскольку эти историки много занимаются церемониалом, в частности дипломатическим, периодически они касаются и роли

² См., например, результаты поддержанного Академией Финляндии большого проекта «Writing Cultures and Traditions at Borders» (2010—2014) в специальном выпуске журнала «Culture Unbound»: Culture Unbound. Journal of Current Cultural Research. 2014. Vol. 6. P. 1051—1250. URL: <http://www.cultureunbound.ep.liu.se/contents.asp?doi=10.3384/cu.2000.1525.1466> (28.08.2017). Краткий обзор истории изучения границ с точки зрения cultural studies дан во вводной статье руководителя проекта Туулики Курки: Kurki T. Borders from the Cultural point of View: An Introduction to Writing at Borders // Ibid. P. 1055—1070. URL: <http://www.cultureunbound.ep.liu.se/v6/a59/cu14v6a59.pdf> (28.08.2017) (о ритуалах см. с. 1060—1063). Естественно, автор обзора отдаёт должное знаменитой книге Арнольда ван Геннепа (1909), который сделал несколько важных замечаний и о так называемом материализованном переходе, т. е. об обрядах преодоления символических границ племени, жилища и т. п.: *Genep A., van.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 19—28. О практическом и перформативном аспектах см., например: *Coplan D. B.* Border Show Business and Performing States // A Companion to Border Studies / ed. by T. M. Wilson and H. Donnan. Hoboken, 2012. P. 507—521; *Kaiser R.* Performativity and the Eventfulness of Bordering Practices // Ibid. P. 522—537.

³ Здесь стоит прежде всего назвать имена Герда Альтхофа и Барбары Штольберг-Рилингер. Из их многочисленных публикаций укажу в качестве введения лишь на две: *Althoff G.* Die Macht der Rituale: Symbolik und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt, 2003; *Stollberg-Rilinger B.* Rituale. Frankfurt; New York, 2013.

ритуалов, например, при пересечении политических границ — даже границ России⁴. Впрочем, число таких публикаций очень невелико. Между тем, как я намерен показать, рассмотрение ритуальных аспектов маркирования границы Московского государства в допетровский период представляет интерес как с точки зрения истории отношений России с её западными соседями (в данном случае я ограничусь Швецией, которая, однако, была одним из главных российских дипломатических партнёров), так и с точки зрения особенностей политической культуры Московии вообще⁵.

Вероятно, наиболее красочным ритуальным действием, упоминания о котором встречаются в связи с установлением российско-шведской границы раннего Нового времени, был обряд, предполагавший, что в случае возникновения при межевании споров межевальщик должен был идти вдоль верной, по его убеждению, пограничной линии, положив на голову кусок дёрна в доказательство своей правоты. Этот ритуал фигурирует, например, в документах, касающихся межевания границы после Столбовского договора (в 1617 и 1620 гг.)⁶. Он хорошо известен как по письменным источникам (впервые — в рукописи XI в., много свидетельств XVI и XVII вв., в начале XVIII в. о нём сообщает И. Т. Посошков), так и по поздним этнографическим данным. Судя по всему, он связан с зафиксированным у славян культом Матери-Земли, которая должна наказывать («задавить», «прикрыть навеки») того, кто лжесвидетельствует.

⁴ Отмечу прежде всего две статьи Клаудии Гарнье: *Garnier C.* «Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billig auch»: Symbolische Kommunikationsformen bei Gesandtenempfangen am Moskauer Hof im 16. und 17. Jahrhundert // *Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte.* 2005. Bd. 7. S. 27—51. URL: http://www.steiner-verlag.de/uploads/media/JBKG_2005_7_027-051_Garnier.pdf (29.08.2017) (непосредственно о значении символической коммуникации при встрече послов на границе — с. 30—34); *Eadem.* Die Macht der Zeichen — die Zeichen der Macht: Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation in der Politik des Großfürstentums Moskau im ausgehenden 15. und 16. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2007. Bd. 55. H. 3. S. 331—356. URL: http://daten.digital-sammlungen.de/bsb00066173/image_349 (29.08.2017) (о церемониях на границе — с. 343—345). См., кроме того, новейшее исследование российского дипломатического церемониала второй половины XVII — начала XVIII в. в сравнительной перспективе и в рамках упомянутого исследовательского направления: *Hennings J.* *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648—1725.* Cambridge, 2016. О применении того же подхода для анализа другого важнейшего аспекта, обмена дарами в дипломатической практике, см. изданный на русском сборник (в котором, кстати, приняли участие все историки, перечисленные в этой и предыдущей сноске): *На языке даров: Правила символической коммуникации в Европе. 1000—1700 гг.* / под ред. М. А. Бойцова и Г. Альтхофа. М., 2016.

⁵ Подчеркну, что некоторые важные наблюдения на этот счёт — сделанные исходя из совершенно иной перспективы — имеются также в известных трудах по истории российского дипломатического церемониала, из которых отмечу прежде всего сохраняющую своё значение работу Л. А. Юзефовича: *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведётся...»: Русский посольский обычай конца XV — начала XVIII в. М., 1988. И с некоторыми изменениями и дополнениями: *Его же.* *Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал.* СПб., 2007.

⁶ См.: *Селин А. А.* *Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). Формирование. Функционирование. Наследие: исторические очерки.* СПб., 2016. С. 56, 58, 84.

Позднее с Матерью-Землёй стала ассоциироваться Богоматерь⁷. Отсюда контаминация в обряде языческих и христианских черт: дёрн, который клали на голову (а также на плечи, спину, за пазуху, а иногда брали землю в рот — ср. клятвенные формулы: «Чтобы мне землю есть, если совру» и т. п.), мог вырезаться в виде креста, но главное — очень часто одновременно в обряде использовалась икона, как правило — Богородицы. Причём иногда источники упоминают только об «образном хождении», но контекст позволяет считать, что речь идёт о том же самом, языческом по происхождению обряде. Например, в Соборном Уложении (гл. X, «О суде»): «А будет в таких спорных землях за чем указ учинити будет не мощно, и на таких спорных землях исцу с ответчиком учинити вера, образное хождение, а со образом велети итти тому, кому в суде дано будет на душу» (ст. 236). И далее (ст. 237): «А будет на которых спорных землях будут старожилцы с обе стороны, и учинится у тех старожилцов промеж собою спор, одне старожилцы станут правити исца, а другие старожилцы станут правити ответчика, и на той спорной земле исцу с ответчиком дати жеребей, кому из них и против которые старожилцовы скаски спорная земля с образом отвести, да кому вымется жеребей, и тому та спорная земля с образом и отвести»)»⁸.

Вот отрывок из грамоты, отправленной в 1620 г. из Посольского приказа межевому послу Н. В. Вышеславцеву, занимавшемуся установлением новой границы со Швецией в Карелии: «...а будет спор и сыскать будет не мочно, и в тех местех давати старожильцом жеребьей, а жеребья старожильцем давати веру и отводити земли и угодыя с нашей стороны с образом и з дерном по земляному обычаю, а з государя их стороны, будет в их сторону жеребей выметца, отводити их старожильцам русским людем с образом же и з дерном по земляному обычаю, а немцом с евангельем и с клятвою, а в самых больших спорных землях с нашей стороны целовати нашим старожильцем крест, а с королевские стороны королевским старожильцам русским людем целовати крест же, а немцом евангилье с клятвою»⁹.

⁷ См. об этом культе и его связи с Богородицей: *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Его же.* Избранные труды. Изд. 2-е, испр. и перераб. М., 1996. Т. 2. С. 83—107.

⁸ Соборное уложение 1649 года: текст, коммент. / коммент. Г. В. Абрамовича [и др.]; руководитель авт. коллектива А. Г. Маньков. Л., 1987. С. 58. Ср. также в гл. XVII («О вотчинах»), ст. 52: Там же. С. 92. О самом обряде см.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Символизм в древнем русском праве // *Его же.* Феодализм в России / отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1988. С. 486—492; *Толстой Н. И.* Граница // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А—Г. С. 538; *Белова О. В., Виноградова Л. Н., Топорков А. Л.* Земля // Там же. 1999. Т. 2. Д—К (Крошки). С. 318; *Успенский Б. А.* Право и религия в Московской Руси // *Факты и знаки: Исследования по семиотике истории.* М., 2008. Вып. I / под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. С. 164 (сноска 115).

⁹ Цит. по: *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 56 (то же самое — с. 84).

Налицо, как видим, точное соответствие. В связи с процитированным фрагментом из инструкции Посольского приказа стоит сделать несколько замечаний. Во-первых, заслуживает, на мой взгляд, внимания тот факт (каким бы тривиальным он ни казался), что при установлении границы между государствами руководствовались логикой, обычной при межевании частных земель. Это позволяет рассчитывать на то, что и другие аспекты отношения к государственной границе можно прояснить с помощью аналогий из сферы частного землевладения.

Во-вторых, здесь упоминается и ещё один известный ритуал — крестоцелование. Я не намерен в данном случае рассматривать его подробно, поскольку в последнее время о нём и об отношении к нему на Руси довольно много написано¹⁰. Но отмечу, что прибегать к крестоцелованию межевому послу предписывалось лишь «в самых больших спорных землях», т. е. оно воспринималось как гораздо более серьёзный и ответственный (и значит, более опасный для лжесвидетеля) акт, чем «земляной обычай». Следовательно, и символический вес крестоцелования был выше. В частности, по этой причине, как можно думать, в 1620 г. российские межевые послы во главе с Н. В. Вышеславцевым, когда у них возник спор со шведскими коллегами относительно прохождения границы в районе Унисьярви (Унус-озера), упорно отказывались разрешить своим свидетелям-старожильцам поцеловать крест, тогда как шведы утверждали, что представленные ими старожильцы готовы прибегнуть к крестоцелованию, и настаивали на нём¹¹.

В-третьих, характерна дифференциация предписываемого ритуала (крестоцелование или клятва на евангелии) в зависимости от религиозной принадлежности: первое — для «русских людей» (т. е. православных, пусть и шведских подданных), второе — для «немцев» (лютеран). И хотя здесь выражение «русские люди» запросто используется для указания на православных, оказавшихся за пределами Московского государства и превратившихся в подданных другого монарха, у нас есть основания полагать, что в рассматриваемый период политическая и конфессиональная принадлежность часто сливались воедино и в иных контекстах Столбовская граница

¹⁰ *Флюшкн А. И.* Институт крестоцелования в Средневековой Руси // *Клио: Журнал для учёных*. 2000. № 2 (11). С. 42—48; *Стефанович П. С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // *Средневековая Русь*. М., 2004. Вып. 5. С. 86—113; *Антонов Д. И.* Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 174—206, 213—224; *Mikhailova Yu., Prestel D. K.* Cross Kissing: Keeping One's Word in Twelfth-Century Rus' // *Slavic Review*. 2011. Vol. 70. No. 1. P. 1—22. О крестоцеловании в дипломатической практике: *Юзефович Л. А.* Путь посла. С. 280—294.

¹¹ *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 104, 106—107.

воспринималась как граница православной земли, а «православность» населения на переданных Швеции территориях могла ставиться под вопрос¹².

Косвенным указанием на это именно в сфере ритуала можно считать упоминаемый Г. К. Котошихиным обычай: «Да с послы ж, которые бывают посылаемы на посолские съезды, или воеводы в войну с полками, и с ними в такие посылки посылаются образы древняго писания, обложены золотом и серебром, з жемчюгом и с камнем: и те образы, с ыными со многими образами и со свещами, царь, и патриарх, и митрополиты, и весь священнический чин, и бояре, и всякого чину люди, из Москвы провожают пеши, до тех мест, где принимают чюжеземских послов. А провожаючи те образы, молебствуют, и по молебствовании патриарх, и царь, и власти, и бояре, и всякого чину люди, чинят перед тем образом прощение, и потом целуют того написанного образа в руку; и бывают послы, или полковые воеводы, в то время у царя на отпуске у руки; и прощався царь, и патриарх, и власти, и бояре, с ыными образами пойдут назад, до первыя своея соборныя церкви, и потом розыдутца по домом. Таким же обычаем как послы приезжают ис посолств, или воеводы ис полков, и царь, и патриарх, и власти, и бояре, и иные люди, те образы встречают в тех же местех, где чинит прощение в провожании, с образами ж и со свещами, и чин бывает против того ж, как в провожании; а встретя те образы, поставят в церквах, где они преж того стояли. А бывают те образы, Спасов, или Богородицын, или которого святаго, написаны на дереве, величиною с лист, а иной в аршин и болши»¹³. И далее ответ на вопрос «Для чего те образы посылаются?»: «Для того: когда на войне учинится над неприятелем поиск, а в посолстве вечное докончанье и дела учинятца помощию Божию, а они разумеют будто помощию и заступлением и молитвою Богородицыною и святых которых ис тех образов, и по такому домышлению те образы почитают и не стыдятся к бездушному глаголати и о помощи просити; понеже слепы есть: замазал им диавол очи пламенем огня негасимаго»¹⁴.

Л. А. Юзефович, упоминая, что на двух российско-шведских съездах на рубеже, в Столбове и в Валиесари (1658), побывала одна и та же икона Богоматери Тихвинской, подчёркивает — и в данном случае для нас это особенно важно, — что «такие общепризнанные святыни не должны были покидать территорию России, поэтому

¹² См. об этом подробнее: *Толстиков А. В.* Религиозный аспект понимания политических границ в допетровской России (на примере российско-шведских отношений) // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. М., 2017. Вып. 8. С. 145—163.

¹³ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. СПб., 1906. С. 53—54.

¹⁴ Там же. С. 54. Кстати, последний фрагмент в XIX в. исключали из российских изданий труда Котошихина, впервые он был восстановлен только в публикации 1906 г.

с миссиями, следовавшими не на рубежные съезды, а за границу, столь широко чтимые иконы не отправлялись»¹⁵. Обратим также внимание, что, по словам Котошихина, провожают из Москвы, а потом встречают святые образы именно там, «где принимают чужеземских послов». Судя по всему, перед нами явная параллель с дипломатическим церемониалом, предполагавшим специальный ритуал встречи иностранных послов и на самой границе, и в городах по пути, и непосредственно перед въездом в Москву.

О том, как в дипломатическом церемониале могла маркироваться и актуализироваться политическая граница, необходимо, конечно, сказать особо. Сам по себе обычай отправлять на границу к прибывающим иностранным послам дипломатического представителя был хорошо известен в Европе, например, в Венеции — уже с конца XIII в.¹⁶ Однако похоже, что в России эта первая встреча была гораздо более торжественной и важной. Так, согласно французскому церемониалу первой половины XVIII в., несомненно восходящему к предшествующему периоду, ординарным и экстраординарным послам от коронованных особ, а также папским нунциям не полагалось устраивать в городах их въезда никаких специальных церемоний (нунции вообще ехали инкогнито)¹⁷. Между тем в России уже непосредственно на границе со Швецией во встрече иностранных дипломатов обычно участвовали, как минимум, десятки служилых людей (стрельцов, казаков, детей боярских)¹⁸. Соответствующую картину мы можем себе представить по хорошо известному рисунку Эрика Пальмквиста (1674) (рис. 1). Правда, в торжествах на въезде в Новгород, и тем более в Москву, и пышности, и участников было гораздо больше (да и Котошихин в своём описании тоже основное внимание уделяет церемониям в городах по пути следования и, особенно, под Москвой¹⁹), но существенным в данном случае, на мой взгляд, является следующее. Во-первых, ритуал встречи послов на границе был обязательным. Во-вторых, именно с него начиналось включение прибывших в Московию дипломатов в символическую коммуникацию, в которой их партнёрами-оппонентами в этой игре (а её принципы были достаточно ясны иностранцам) и одновременно, по выражению К. Гарнье, «церемониймейстерами» становились

¹⁵ Юзефович Л. А. Путь посла. С. 70—71.

¹⁶ Garnier C. «Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billig auch». S. 31.

¹⁷ Rousset de Missy J. Le ceremonial diplomatique des cours de l'Europe, ou collection des actes, memoires et relations qui concernent les dignites, titulaires, honneurs & prééminences; les fonctions publiques des souverains, leurs sacres, couronnemens, mariages, batêmes, & enterremens; les investitures des grands fiefs; les entrées publiques, audiences, fonctions, immunités & franchises des ambassadeurs & autres ministres publics; leurs disputes & démêlez de préséance; et en général tout ce qui a rapport au cérémonial & à l'étiquette. Amsterdam; La Haye, 1739. T. 1. P. 2 (о нунции: «On ne lui fait aucune reception dans les lieux de son passage: Il arrive comme un particulier, & ne paroît qu'*incognito* jusqu'au jour de son Entrée publique»), 36 («Un Ambassadeur Ordinaire ou Extraordinaire arrivé sur la Frontière du Royaume, en donne avis au Ministre Secrétaire d'Etat des Affaires Etrangères. Il est reçu sans aucune Cérémonie dans les Villes de son passage»).

¹⁸ См., например: Селин А. А. Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 292, 301, 303, 324.

¹⁹ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 60—61.

приставы²⁰. Наконец, в-третьих, некоторые структурные элементы и, судя по всему, логика указанного пограничного ритуала были теми же, что и на позднейших этапах встречи послов.

Вероятно, наиболее яркой в данном отношении является деталь, постоянно описываемая, начиная с Сигизмунда Герберштейна: при встрече на границе (и потом равным образом перед въездом в Москву) российские приставы всегда настаивали на том, чтобы иностранцы ступили на землю первыми. Тот же Герберштейн хвастался, что сумел перехитрить русских, сделав вид, будто готов спешиться, а потом снова вскочив в седло²¹. В аналогичной ситуации при встрече шведского посольства в сентябре 1655 г. пристав в ходе подобной игры с ложным спешиванием вообще упал с лошади, когда лопнула подпруга, и впоследствии несколько иностранных авторов не упустили возможности позлорадствовать по этому поводу²².

Рис. 1

Встреча шведских послов российским приставом на границе в Муравейно. Из «Альбома Палмьквиста» (Riksarkivet, Stockholm. 81001:0636:00001. Någre vidh sidste kongl. ambassaden till tzaren i Muskou gjorde observationer öfver Rysslandh, des vägar, pass medh fästningar och gräntzer sammandragne aff Erich Palmquist. Anno 1674. Fol. 5r)

²⁰ Garnier C. «Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billig auch». S. 31. См. также: Hennings J. Russia and Courtly Europe. P. 77—82 («Pristavy, Introduteurs des Ambassadeurs, and Masters of Ceremonies»).

²¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. I / лат. и нем. тексты, рус. пер. с лат. А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненем. А. В. Назаренко. С. 524—527 (лат. и нем. тексты и рус. пер.).

²² См. подробнее: Толстиков А. В. Испытание терпения: Поэтическое описание злоключений шведского посольства в России середины XVII в. // Одиссей. Человек в истории. 2009. М., 2010. С. 252.

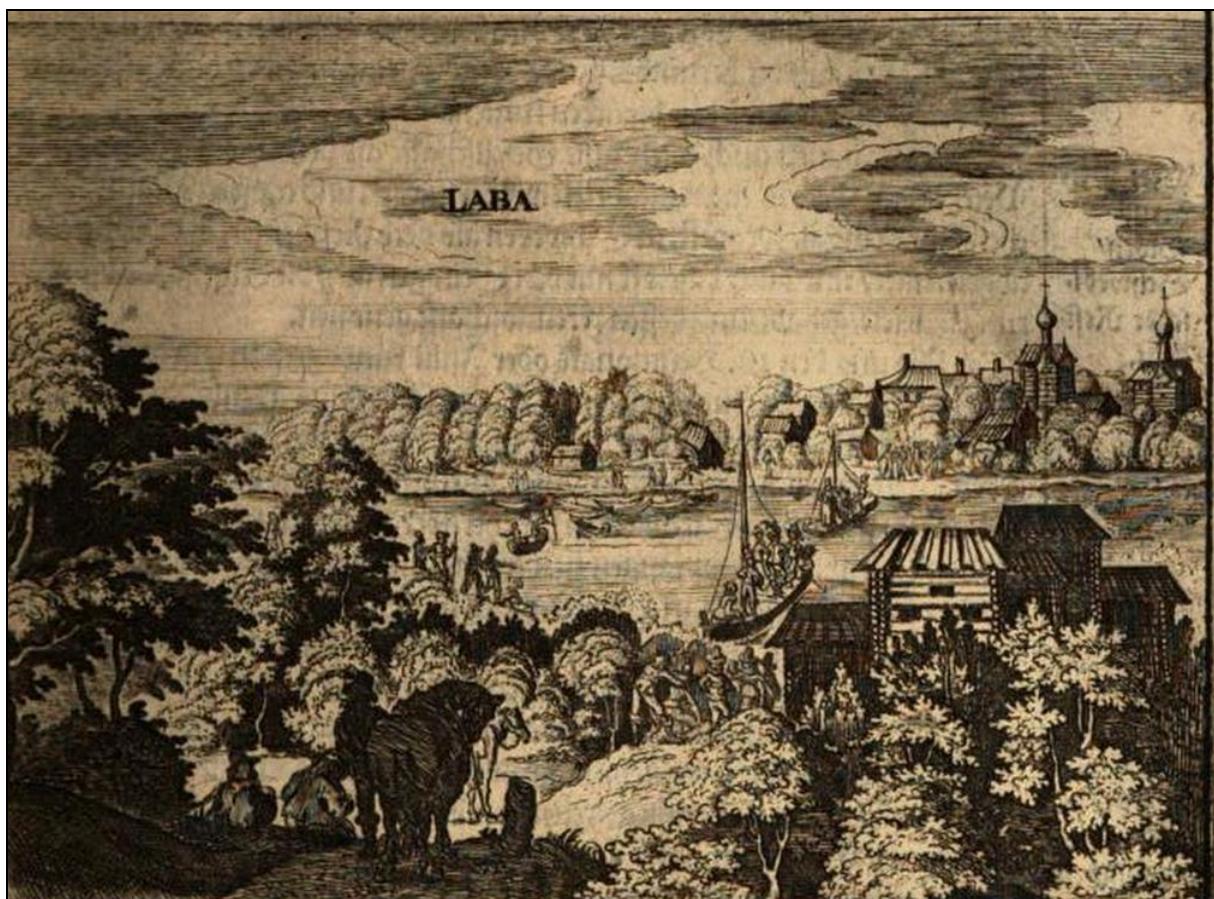
Однако в контексте рассматриваемой проблемы гораздо важнее другой элемент пограничного ритуала, описанный в книге ещё одного классика западноевропейской «россики» — Адама Олеария, который имел возможность наблюдать в конце июня 1634 г. встречу российским приставом шведского посольства на реке Лаве (или Лавуе). Позволю себе привести пространную цитату: «Наши господа провожали королевских послов целых четыре мили, я же, с их согласия, проехал с ними верхом даже до границы, чтобы видеть церемонии и обычаи русских при приёме посольств. Итак, они 27 того же месяца рано утром в четыре часа прибыли к реке, протекающей, при ширине в 40 шагов, мимо деревни Лавы и отделяющей русскую границу от шведской. Когда королевские господа послы, при прибытии своём, узнали, что на русской стороне их ждут 17 лодок, то они тотчас послали своего переводчика на тот берег к приставу, чтобы он переслал несколько лодок для своевременной нагрузки их вещей: тогда они скорее смогут двинуться в путь после приёма. Однако пристав, человек старый, велел ответить, что он не смеет ничего подобного сделать до приёма послов: “Да и не думают ли они, что его царскому величеству нечем будет прокормить их, если их кормить придётся лишний день из-за возможного промедления?” Около полудня пристав прислал своего толмача, или переводчика, на тот берег с четырьмя стрельцами, или мушкетёрами (последних с ним было 30 человек), и велел сказать: ему теперь было бы очень приятно принять господ послов: не желают ли они пожаловать? Один из господ послов на это велел ответить приставу, что им уже пятую неделю приходится лежать и ждать: поэтому несколько не обидно будет приставу, если и он их теперь подождёт один лишний день. Впрочем, он-де не желает этим давать полного ответа, так как его собратья улеглись для полуденного сна, как потому, что они всю ночь путешествовали, так в особенности — вследствие усвоения ими у русской границы русских обычаев: ведь почти все русские отдыхают ежедневно в полдень.

<...> После обеда в четыре часа господа велели сообщить на тот берег, что теперь они желали бы быть приняты; пусть поэтому пристав приходит. Затем они сели со своим переводчиком в лодку, а их гофьонкеры, к которым и я присоединился, в другую. Пристав, действительно, выехал навстречу с 15 разодетыми русскими в лодке. Чтобы показать высокое положение своё, они, очень медленно и не производя особого движения лодки, опускали свои вёсла в воду, так что они еле отошли от берега; временами они останавливались совершенно, чтобы лодка господ шведов к ним приблизилась. Они подали весло в лодку послов, чтобы её потащить за собою. К этой цели подучили они и рулевого, правившего лодкою послов. Когда господа послы

заметили, к чему стремятся русские, то один из них закричал приставу, чтобы он ехал быстрее: к чему такая несвоевременная церемония? Ведь еѹ пристав ничего не может приобрести для великого князя, а они ничего не потеряют для своих государей. Когда теперь лодки столкнулись посередине реки, пристав выступил и сказал, что великий государь и царь Михаил Феодорович, вся Россия самодержец (с прочтением всего его титула), велел ему принять королевских господ послов и приказал их, со всем их народом, при достаточном провианте и подводах, доставить в Москву. Когда на это получен был ответ, то пристав повёл их на берег...»²³.

Рис. 2

Встреча российским приставом шведских послов на пограничной реке Лаве (Лавуе) летом 1634 г. Гравюра из второго издания книги Адама Олеария (*Olearius A. Vermehrte Neue Beschreibung Der Muscowitischen und Persischen Reyse So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschafft an den Russischen Zaar und König in Persien geschehen. Schließwig, 1656. S. 17*)

Особенно же примечателен комментарий пристава относительно этого ритуала, данный им членам голштинского посольства, в составе которого следовал Олеарий:

²³ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / пер. А. М. Ловягина. М., 2003. С. 31—32 (текст издания 1906 г.).

«Когда мы велели спросить, примет ли он нас на той стороне или же на воде, как шведов, он отвечал, чтобы мы переезжали: “Нет нужды встречаться на воде, так как у нас не может быть спора о границах, из которых ничего не принадлежит вам”»²⁴.

По всей видимости, цель пристава заключалась в том, чтобы шведские послы первыми пересекли пограничную линию — середину реки. То есть граница здесь использовалась в качестве своего рода символического ресурса в соответствии с той же логикой, что и при порядке спешивания или выхода из кареты либо саней: почётнее («честнее») быть принимающей, реагирующей (а не иницирующей) стороной, адресатом (а не адресантом), завершать действие, а не начинать его. Указанный принцип вообще был характерен для российской дипломатии этого времени, что отражалось, в частности, на порядке обмена посольствами («честнее» было сперва принять иностранную миссию и только в ответ отправить свою)²⁵. Тут его стремились реализовать при пересечении границы, о чём дополнительно свидетельствует комментарий пристава — не исключено, впрочем, что несколько лукавый: ведь голштинских послов тоже должны были встретить уже на российском берегу. Очевидно, шведы не случайно стремились к тому, чтобы лодки встретились именно на середине реки — это, вероятно, символизировало равный статус сторон, что в других ситуациях могло подчёркиваться. Например, в инструкции российским послам, отправленным в 1636 г. в Карелию для размена перебежчиками, специально отмечалось, что они не должны ни сами заезжать на шведскую сторону, ни пускать на свою сторону шведов и вести переговоры строго «на рубеже». А ранее, в 1618 г., на той же Лаве российское и шведское посольства встретились сначала на мосту, а на второй день «на среди реки на конях»²⁶.

Вообще, конечно, съезд на мосту и строительство моста — тоже действия, исполненные символического смысла. Потому в 1617 г. для российско-шведских переговоров предполагалось специально построить мост через всё ту же Лаву в её устье, в месте впадения в Ладожское озеро, каким бы странным это ни казалось с практической точки зрения. Причём тогда, в 1617 г., стороны после препирательств всё же договорились о том, чтобы поставить съезжие шатры для переговоров на середине моста, хотя изначально московские дипломаты настаивали на их установке

²⁴ Там же. С. 34. См. об этом эпизоде как примере актуализации границы России со Швецией в акте символической коммуникации: *Garnier C.* «Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billig auch». S. 33—34. Кстати, автор отмечает, что сам по себе ритуал встречи на лодках или плотах посередине реки известен в Европе, по меньшей мере, с раннего Средневековья (с. 48, сноска 39).

²⁵ Юзефович Л. А. Путь посла. С. 68—69.

²⁶ *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 241 (1636), 376—377 (1618).

по российскую сторону границы²⁷. То есть шведские послы в таком случае должны были бы приходиться к ним в шатёр и тем самым демонстрировать свой более низкий статус. Л. А. Юзефович привёл несколько примеров такого рода из истории посольских съездов конца XVI в., указав на вероятный символический смысл компромиссного решения, принятого шведскими представителями на съезде 1575 г., когда они — после долгих споров о том, на чьей стороне границы следует ставить шатры, и после упорного отказа русских съезжаться прямо на мосту — перенесли свою «кровлю под сукны» на тот берег реки Сестры, где стоял российский шатёр, т. е., возможно, «как бы перенесли на другой берег собственную территорию»²⁸. Он вполне справедливо, как мне кажется, подчёркивает: «Съезжий шатёр — модель пограничной территории двух сопредельных государств, не случайно он составлен из двух шатров. Предполагалось, что послы обеих сторон пребывают на своей собственной земле. Занавес — граница, своды шатра — небесный купол. Лишь на такой сцене могла быть разыграна пьеса, невозможная в другой постановке»²⁹.

Описанные способы ритуального маркирования границы между Россией и Швецией следует, на мой взгляд, связывать с символическим уподоблением её границе жилища. Понимание государя как домовладельца, а соответственно, его государства как домовладения было широко распространено в России³⁰. В случае с рассматриваемым сюжетом стоит обратить внимание на хорошо известный российский обычай (соблюдавшийся также в Речи Посполитой, но не в западноевропейских государствах) обеспечивать полное содержание иностранных посольств на территории страны³¹. Очевидно, приём посольства был равнозначен приёму гостя. Последний же в славянской культуре «фактически становится заложником определённых этикетных требований, которым он вынужден подчиниться»³². Так что с помощью ритуала можно было попытаться извлечь из факта пересечения границы символический капитал, подчеркнув с первой же встречи статус иностранных дипломатов как гостей в доме, которые

²⁷ Там же. С. 45, 50, 283.

²⁸ Юзефович Л. А. Путь посла. С. 72—73. См. также: Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Ч. 1. 1556—1586 гг. С. 325—329. См.: «И того ж часу Ягана короля послов Клауша с товарищи кровлю за рубежь на сю сторону Сестреи реки перенесли и к шетру придвинули, и послы Клаушь с товарищи за рубежь за Сестрею реку в шатер к боярину ко князю Василию Одреевичю с товарищи пришли» (с. 329).

²⁹ Юзефович Л. А. Путь посла. С. 74.

³⁰ См., например: Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. С. 168—174.

³¹ См. об этом: Юзефович Л. А. Путь посла. С. 108—115.

³² Агапкина Т. А., Невская Л. Г. Гость // Славянские древности. Т. 1. С. 532.

обязаны следовать соответствующим правилам поведения — ставившим принимающую сторону в заведомо более выгодное положение.

В заключение отмечу, что существовал ещё один ритуал, который мог при определённых обстоятельствах актуализировать границу, — казнь преступников. В 1621/22 г. в российско-шведском приграничье были повешены братья-разбойники из Кексгольмского лена, пойманные на российской территории. Шведская сторона выразила недовольство с связи с тем, что преступников не выдали, новгородский же воевода Д. И. Мезецкий в ответ заявил: «...где те разбойники сысканы, тут им и казнь учинена»³³. Известно, что в рассматриваемый период в России (как, впрочем, и в других странах) действовал принцип, согласно которому, по выражению Н. Ш. Коллманн, «казни должны происходить в символически заряженных точках, связанных с преступлением»³⁴. К примеру, по Соборному Уложению (гл. X, ст. 231), повреждение межи каралось битьём кнутом на самой меже: «А будет кто ни будь на государеве или на вотчинникове или на помещикове земле писцовую межу испортит и столбы вымечет, или грани высечет, или ямы заровняет, или землю перепашет, а по суду и по сыску про то сыщется допряма, и тех людей на спорных межах бити кнутём нещадно, и бив кнутом, вкинути в тюрьму на неделю, а исцу велети на нем взяти за всякую грань по пяти рублев, и велети межи и грани зделати и ямы выкопати по прежнему»³⁵. Впрочем, в упомянутом эпизоде 1621/22 г. речь шла не о порче межи, а о разбое. И всё же, на мой взгляд, в том, что казнь пришедших «с той стороны» и схваченных неподалёку от границы разбойников была демонстративно устроена здесь же, рядом с границей, можно, по-моему, усмотреть в том числе и утверждение территориальных пределов юрисдикции монарха, от имени которого наказывались преступники, явившиеся из-за этих пределов. К подобного рода языку ритуалов могли прибегать, отнюдь, не только «московиты»: в мае 1636 г. на перекрёстке, как сообщают источники, «на большой дороге новгородской от рубежа за три версты», шведами был казнён (четвертован) российский подданный — сын боярский Иван Неелов, признанный виновным в убийстве на шведской стороне. Для экзекуции его специально привезли из Нотебурга (Орешка) «на рубеж», в Ярвосольский погост, на территории которого — что важно — и произошло убийство (см. выше замечание Н. Ш. Коллманн). Тело было

³³ См. об этой истории: Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 81—82; Селин А. А. Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 189, 194, 212 (здесь приведённая цитата), 495.

³⁴ Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. С. 373 (цитируемая фраза), 374.

³⁵ Соборное уложение 1649 года. С. 57.

оставлено здесь же, «на рубеже», хотя затем его тайно выкопали, перевезли на российскую территорию и похоронили в освящённой церковной земле³⁶. Поскольку само злодеяние было совершено в приграничье, а наказание предполагало связь или с местом преступления, или с местом поимки преступника, то и ритуал казни оказывался привязанным к границе и тем самым напоминал о ней.

Итак, ритуал играл заметную роль в маркировании и актуализации границы между Россией и Швецией в раннее Новое время. Приведённый перечень самих ритуалов, разумеется, может быть расширен. Моей целью было показать важность изучения этого своеобразного языка (в широком семиотическом смысле) для более полного понимания культурного контекста, в котором осуществлялось российско-шведское трансграничное взаимодействие. Наконец, как мне кажется, представленный материал позволяет поставить вопрос о специфике восприятия в допетровской России пространственного измерения власти — в целом тех феноменов, которые мы сейчас определяем как политические.

Список литературы

Агапкина, Т. А. Гость / Т. А. Агапкина, Л. Г. Невская // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — Т. 1. А—Г. — С. 531—533.

Антонов, Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века / Д. И. Антонов. — Москва : РГГУ, 2009. — 427 с.

Белова, О. В. Земля / О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, А. Л. Топорков // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. Д—К (Крошки). — С. 315—321.

Геннеп, А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. — Москва : Восточная литература РАН, 1999. — 198 с.

Жуков, А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. — Великий Новгород : Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2003. — 255 с.

Коллманн, Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Н. Ш. Коллманн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 609 с.

³⁶ См. об этом инциденте: *Пересветов-Мурат А. И.* Ингерманландский криминал // Инкери: (Pietarin ja Inkerinmaan kuulumisia). 2008. Июнь / Kesäkuu. № 2 (067). С. 8—9. URL: www.inkeri.ru/wp-content/uploads/paper/inkeri2008_2.pdf (20.12.2017); *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). С. 566—569.

На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000—1700 гг. / под ред. М. А. Бойцова и Г. Альтхофа. — Москва : РОССПЭН, 2016. — 262 с.

Павлов-Сильванский, Н. П. Символизм в древнем русском праве / Н. П. Павлов-Сильванский // *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России / отв. ред. С. О. Шмидт. — Москва : Наука, 1988. — С. 483—505.

Пересветов-Мурат, А. И. Ингерманландский криминал / А. И. Пересветов-Мурат // *Инкери : (Pietarin ja Inkerinmaan kuulumisia)*. — 2008. — Июнь / Kesäkuu, № 2 (067). — С. 8—9. — URL: www.inkeri.ru/wp-content/uploads/paper/inkeri2008_2.pdf. — (20.12.2017).

Селин, А. А. Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). Формирование. Функционирование. Наследие : исторические очерки / А. А. Селин. — Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2016. — 864 с.

Стефанович, П. С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси / П. С. Стефанович // *Средневековая Русь*. — Москва : Российское университетское издательство, 2004. — Вып. 5. — С. 86—113.

Толстиков, А. В. Испытание терпения: Поэтическое описание злочлукений шведского посольства в России середины XVII в. / А. В. Толстиков // *Одиссей: человек в истории* : 2009. — Москва : Наука, 2010. — С. 244—266.

Толстиков, А. В. Религиозный аспект понимания политических границ в допетровской России (на примере российско-шведских отношений) / А. В. Толстиков // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. — Москва : Институт российской истории РАН, 2017. — Вып. 8. — С. 145—163.

Толстой, Н. И. Граница / Н. И. Толстой // *Славянские древности : этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995. — Т. 1. А—Г. — С. 537—540.

Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б. А. Успенский // *Успенский Б. А.* Избранные труды. — Изд. 2-е, испр. и перераб. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — Т. 2. — С. 67—161.

Успенский, Б. А. Право и религия в Московской Руси / Б. А. Успенский // *Факты и знаки : исследования по семиотике истории*. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Вып. I / под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. — С. 122—179.

Филлюшкин, А. И. Институт крестоцелования в Средневековой Руси / А. И. Филлюшкин // *Клио : журнал для учёных*. — 2000. — № 2 (11). — С. 42—48.

Юзефович, Л. А. «Как в посольских обычаях ведётся...» : Русский посольский обычай конца XV — начала XVIII в. / Л. А. Юзефович. — Москва : Международные отношения, 1988. — 214 с.

Юзефович, Л. А. Путь посла : Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал / Л. А. Юзефович. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2007. — 340 с.

Althoff, G. Die Macht der Rituale : Symbolik und Herrschaft im Mittelalter / G. Althoff. — Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. — 256 s.

Coplan, D. B. Border Show Business and Performing States / D. B. Coplan // A Companion to Border Studies / ed. by T. M. Wilson and H. Donnan. — Hoboken : John Wiley & Sons, 2012. — P. 507—521.

Garnier, C. «Wer meinen Herrn ehrt, den ehre ich billig auch»: symbolische Kommunikationsformen bei Gesandtenempfangen am Moskauer Hof im 16. und 17. Jahrhundert / C. Garnier // Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte. — 2005. — Bd. 7. — S. 27—51. — URL: http://www.steiner-verlag.de/uploads/media/JBKG_2005_7_027-051_Garnier.pdf. — (29.08.2017).

Garnier, C. Die Macht der Zeichen — die Zeichen der Macht: zur Bedeutung symbolischer Kommunikation in der Politik des Großfürstentums Moskau im ausgehenden 15. und 16. Jahrhundert / C. Garnier // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 2007. — Bd. 55, h. 3. — S. 331—356. — URL: http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00066173/image_349. — (29.08.2017).

Hennings, J. Russia and Courtly Europe : Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648—1725 / J. Hennings. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — XI, 297 p.

Kaiser, R. Performativity and the Eventfulness of Bordering Practices / R. Kaiser // A Companion to Border Studies / ed. by T. M. Wilson and H. Donnan. Hoboken : John Wiley & Sons, 2012. — P. 522—537.

Kurki, T. Borders from the Cultural point of View : An Introduction to *Writing at Borders* / T. Kurki // Culture Unbound : Journal of Current Cultural Research. — 2014. — Vol. 6. — P. 1055—1070. — URL: <http://www.cultureunbound.ep.liu.se/v6/a59/cu14v6a59.pdf>. — (28.08.2017).

Mikhailova, Yu. Cross Kissing : Keeping One's Word in Twelfth-Century Rus' / Yu. Mikhailova, D. K. Prestel // Slavic Review. — 2011. — Vol. 70, No. 1. — P. 1—22.

Stollberg-Rilinger, B. Rituale / B. Stollberg-Rilinger. — Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2013. — 294 s.

Tolstikov, A. From *Mezha* and *Rån* to *Rubezh* and *Gränsen* : Conceptualizing the Russo-Swedish Border in the Late Middle Ages and Early Modern Period / A. Tolstikov // Revue d'Histoire Nordique — Nordic Historical Review. — 2015. — No. 19. — P. 31—55.